

За последние годы многие из знаменитых частных коллекций России распроданы, вывезены из страны. Не исключено, что такая же участь ждет коллекцию Нины Молевой и Элия Белютина, которые хотели завещать ее Москве

И дом, и музей

Моск. Новости — 2002 — 16 сент. — с. 2 — 3.

Нина Молева и Элий Белютин хотят открыть свою коллекцию людям, превратив ее в частный музей. Еще они хотят завещать эту коллекцию городу, в котором прожили всю жизнь. Однако задача оказалась неразрешимой.

ЗАВТРАК В МУЗЕЕ

О том, что в старой московской квартире в самом центре Москвы, в которой живет художник Элий Белютин и его жена, искусствовед, историк и литературатор Нина Молева, обитает еще и потрясающая коллекция западноевропейского искусства XV — XVII веков, слышали многие. Но видели ее немногие.

Мы с Ниной Михайловной идем из гостиной в столовую. На стенах — Эль Греко, Пуссен, Йорданс... «Здесь, обратите внимание, эскиз Рубенса к картине, которая хранится в Пушкинском, — рассказывает она. — Рядом, посмотрите, портрет работы Ван Дейка. А это Мурильо».

Меня усаживают за стол напротив работ Эль Греко и Тициана, предлагают кофе. Фантастика, думаю про себя, замечая трещины у потолка прямо над картинами.

«Многое, что происходило и происходит с этой коллекцией и собиравшими ее людьми, похоже на фантастику», — словно читая мои мысли, говорит хозяйка квартиры.

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

Коллекцию начал собирать 137 лет назад дед ее мужа, художник московской конторы императорских театров Иван Егорович Гринев. Как исполнитель декораций в Большом и Малом театрах он получал большие деньги и ездил в Европу на аукционы. Для своей коллекции он и дом построил во Втором Красносельском переулке — была мечта, чтобы и у него был музей, как, например, у купца Щукина. Тот в своем особняке в Большом Знаменском каждое воскресенье самолично встречал всех желающих и показывал им свое собрание.

Опоздал дед: шел 14-й год, подоспел и 17-й. Человек он был умный, а потому коллекцию спрятал на чердаке — картины были навалены на валы, укрыты рогожами и завалены мусором. Так и пролежали до 49-го года.

В 19-м коллекционер умер от сыпняка, оставив на этом свете жену, бывшую княжну Марию Курбатову, которая была почти на сорок лет моложе его, и дочь. Когда его увозили в сыпной барак, он просил жену, если не будет крайней нужды, сохранить коллекцию.

— Что вы думаете? Они прожили всю жизнь, не продав ни единой вещи, — сообщает мне Нина Михайловна. — Мария Никитична дожила до 98 лет.

В 21-м дочь Марии Курбатовой выс-

кочила замуж за итальянца. Вокруг разлука, голод, а тут — муж-итальянец по имени Микеле, сын известного оперного дирижера Паоло Стефано Белуччи, который, узнав о рождении внука и о коллекции его новой семьи, присылает в далекую непонятную Россию — что бы вы думали? — «Мадонну с младенцем и Иоанном Крестителем» кисти Джованни Батиста Микеле, превратившийся в России в Михаила Белютина, оказался талантливым

В этой комнате пили кофе многие московские начальники

литератором, немало зарабатывал и тоже заразился семейной страстью: на аукционах по распродаже конфискованного из царских дворцов добра приобрел, например, картины Веронезе и Тициана. Но в 27-м к ним домой пришли люди в кожанках, увели его в соседний двор и расстреляли. Потом вернулись и сказали жене, что завтра она может получить тело мужа в морге. Два следующих года, говорит Нина Михайловна, ее будущая свекровь провела в клинике в нервной горячке.

Коллекция пережила на чердаке и войну, и бомбежки. Среди защищавших тогда Москву от фашистов был и 16-летний мальчик, названный по желанию итальянского деда-дирижера Элигием — в честь святого, покровителя ремесленников и художников (для родных — Элик). На фронте ему прострелили легкие, там он заработал газовую гангрену левой руки, но остался в живых и стал художником.

Когда он встретил свою будущую жену Нину и впервые увидел квартиру ее родителей в старомосковском доме с европейской мебелью XVI—XVIII веков, собранной дедом Ниной, царским генералом, то был поражен. Она была создана для того, чтобы разместить здесь коллекцию, начатую его дедом!

Как удалось уберечь коллекцию от разорения в те пусть отпеленные, но далеко не безоблачные годы? Может быть, спасло то, что у них в гостях бывали известные люди, такие, как Тамм и Капица. Или то, что семья одаривала советские музеи: «Кусково» подарили обстановку целой комнаты, «Останки-

но» — портрет Бортнянского кисти Брюллова, Третьяковке — 14 картин...

В своей музейной квартире Нина Михайловна и Элий Михайлович спокойно дожили до начала 90-х, когда в России вновь заговорили о частной собственности, а они задумались о создании частного музея и решили оценить свои сокровища.

ЭКСПЕРТИЗА

Они пригласили к себе экспертов

«Я помчалась наверх, там была коммуналка, позвонила (звонок не работал) и со всего маху ударила в дверь. Дверь открылась. В квартире — ни одной перегородки, пол весь поднят, в межэтажном перекрытии вышпилены пять балок, около этой дыры стоит электрический подъемник с тросами и крюками, рядом — несколько человек в камуфляже, а на подоконнике лежит каталог нашей коллекции, изданный в Италии. Стало страшно». Она кинулась звонить в соседние квартиры. Потом набрала номер Краснопресненского райсовета, которым тогда ведал Краснов. Он приехал через 15 минут, привез с собой начальника РУВД и районного прокурора. Людей в верхней квартире уже не было — кто бы рискнул их задерживать? Потом приехали люди из МУРа и ФСБ и заколотили крест-накрест дверь разломанной квартиры. А вечером к ним пришел некий Геннадий Гройсман, гражданин Канады и руководитель СП «Сватстрой», занимающийся, как сообщил гость, реставрацией Кремля. Он объяснил, что квартиру наверху купил он, хотя и на другое имя (как выясни-

лся французского аукционного дома «Отель Друо». Те провели в квартире неделю, взяли за работу 10 тысяч долларов и оставили супругам простыни заключений по каждому предмету коллекции. Авторство всех ценностей было подтверждено. Стоимость собрания тоже была названа, — исходя из стартовых аукционных цен, 400 млн. долларов.

А потом закончилась фантастика. И начался детектив.

ХИТРАЯ КВАРТИРА

Летом 93-го «Центрнаучфильм» снимал у них фильм «История одной коллекции». Съёмки закончились, они с мужем должны были уже улететь в Италию, но с загранпаспортами вышла задержка, и они сидели дома и пили чай. И вдруг раз-

дался страшный грохот, потолок стал лопаться.

«Я помчалась наверх, там была коммуналка, позвонила (звонок не работал) и со всего маху ударила в дверь. Дверь открылась. В квартире — ни одной перегородки, пол весь поднят, в межэтажном перекрытии вышпилены пять балок, около этой дыры стоит электрический подъемник с тросами и крюками, рядом — несколько человек в камуфляже, а на подоконнике лежит каталог нашей коллекции, изданный в Италии. Стало страшно». Она кинулась звонить в соседние квартиры. Потом набрала номер Краснопресненского райсовета, которым тогда ведал Краснов. Он приехал через 15 минут, привез с собой начальника РУВД и районного прокурора. Людей в верхней квартире уже не было — кто бы рискнул их задерживать? Потом приехали люди из МУРа и ФСБ и заколотили крест-накрест дверь разломанной квартиры. А вечером к ним пришел некий Геннадий Гройсман, гражданин Канады и руководитель СП «Сватстрой», занимающийся, как сообщил гость, реставрацией Кремля. Он объяснил, что квартиру наверху купил он, хотя и на другое имя (как выясни-

Потолки могут обрушиться в любой момент прямо на картины

ДОГОВОР о совместной деятельности

г. Москва

" " 1994 г.

Правительство г. Москвы в лице первого заместителя премьера правительства Москвы Коробченко В.А. и гр. гр. Белютина Э.М. и Молевой Н.М., являющиеся владельцами частной коллекции произведений искусства западно-европейских школ XV—XVII вв., заключили настоящий договор с нижеследующим:

6. Переход прав и обязанностей по Договору

6.1. После надлежащего исполнения Сторонами своих обязанностей Музей становится совместной собственностью гр. гр. Белютина Э.М., Молевой Н.М. и Правительства Москвы.

6.2. Без ущерба для исполнения настоящего Договора каждая